

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАРОДЫ
АЗИИ и АФРИКИ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

2

МОСКВА 1979

Опубликованные в рецензируемом сборнике работы основаны преимущественно на новейших данных, а сам сборник представляется значительным шагом вперед как в изучении теоретического аспекта языкового планирования, так и языковых проблем Филиппинской республики и ряда сопредельных стран. Он выгодно отличается от аналогичных предшествующих изданий большей компетентностью, широтой охвата исходных данных и глубиной их трактовки.

Весьма широкая по своей тематике и затрагивающая многие актуальные социально-этнические проблемы национально-языкового развития, эта работа представляет несомненный интерес не только для специалистов по языковому планированию, но и для значительного круга историков, этнографов, социологов и лингвистов.

В. А. Макаренко, Л. Б. Никольский

Morton H. Fried. *The Notion of Tribe*. Menlo Park (California), Cummings Publishing Company, 1975, 136 p.

М. Х. Фрид. *Понятие племени*

Книга М. Фрида принадлежит к тем работам, которые заставляют по-новому взглянуть на давно сложившиеся, привычные представления. В самом деле, что может быть привычнее понятия племени? А Фрид утверждает, что первобытное племя — «иллюзия», «химера» и что если этот институт и существует, то лишь как «вторичное», позднее явление, возникшее под давлением государства, соседних высокоразвитых обществ или колониальных держав. В эволюции общественных форм не племя предшествует государству, а государство племени. Первая глава книги так и называется: «Существуют ли племена?». Автор прослеживает здесь историю понятия племени, и выясняется, что уже в древности это слово (лат. *трибус*, греч. *фила* и т. д.) несло печать двусмысленности и неопределенности. Так, по мнению автора, обстоит дело и сегодня. И далее вся книга, глава за главой, посвящается анализу понятия племени в различных его аспектах.

В главе «Племена как популяции» Фрид пытается доказать, что племя не является замкнутой, строго эндогамной общностью. Последнее может иметь место только в исключительных условиях географической изоляции. В нормальных условиях, как показывают многочисленные исследования, некоторый (иногда довольно значительный) процент браков заключается за пределами племени. К фактам, приводимым М. Фридом, добавим еще свидетельство Н. Тиндейла, автора фундаментального труда об австралийских племенах. У аборигенов Австралии межплеменные браки составляют в среднем 15%¹. Эта цифра характерна и для многих отсталых племен других частей света. Действительно, племя проницаемо во многих отношениях — в культурном, языковом, генетическом, и так, очевидно, было и в прошлом. Заметим, однако, что Фрид преувеличивает значение генетической проницаемости племени. Само по себе это явление еще не говорит о том, что племя «размывается» и исчезает. Остается фактом, что для племени все же характерно преимущественное заключение браков внутри своей общности. И это обстоятельство указывает на роль

¹ N. B. Tindale. *Tribal and Inter-tribal Marriage among the Australian Aborigines*. — «Human Biology». 1953, vol. 25, № 3, p. 169—190.

эндогамии как «стабилизатора» этноса, в том числе и первобытного². С другой стороны, оно же свидетельствует о том, что племя представляет собой некую структуру, стремящуюся обеспечить свою целостность различными способами, включая и преимущественную (согласимся с Фридом — не абсолютную) эндогамию.

В следующей главе Фрид обращается к проблеме языка как признака племени. Широко распространено мнение, что племя на ранних этапах развития конституируется на основе единого языка как одного из важнейших факторов этногенеза. Фрид отрицает это и обращает внимание на то обстоятельство, хорошо известное этнографам, что границы языка и племени часто не совпадают, что нередко языки охватывают обширные ареалы, населенные различными племенами, к тому же границы между языками нечетки, размыты, языки как бы постепенно переходят один в другой. Это явление называют первобытной лингвистической непрерывностью. С другой стороны, представители одного племени могут говорить на разных языках. Так бывает, например, когда женщины, выходя замуж в соседнее племя, приносят с собой и свой родной язык. Это явление прослеживается на материках Австралии, Новой Гвинеи, Южной Америки и других регионов. В первом случае языки соотносятся либо с более крупными, чем племя, этническими общностями — группами племени, либо с культурными ареалами — слагаемыми или предтечами историко-этнографических областей. Ведь исторически племя, как и любое другое социальное явление, находится в постоянном движении и трансформации (образование из отдельных племен более крупных этнических общностей и распадение этих последних в силу различных исторических причин на отдельные племена), и язык не может не отражать этих сдвигов. А что происходит в случае дву- или многоязычия племени? Подобно явлению преимущественной эндогамии, внутри племени существует и язык преимущественного общения, понятный всем его членам. Следовательно, и здесь мы можем говорить об относительной соотнесенности племени и языка, о тенденции к такой соотнесенности. При всей сложности этого явления язык все же сохраняет свое значение как этнообразующий фактор, как один из признаков этноса — этникоса³. А этникосом, как мы полагаем, является и первобытное племя.

Далее автор пытается развенчать представление о племени как группе, имеющей единое наименование (этноним), с которым отождествляют себя все ее члены и под которым она известна соседям. Действительно, само название племени часто не совпадает с названием, под которым его знают другие племена. Кроме того, самоназваний может быть несколько — например, индейцы кроу называют себя *бируке* («мы») и *ансаруке* (название птицы). От Тасмании до Южной Америки широко распространено явление, когда племя известно под именем, связанным с каким-либо характерным признаком местности, на которой племя расселено, например племя Песчаного мыса. Нередко такой географический признак (мыс, гора, озеро и т. п.) является своего рода «ядром» территории данного племени, его центром тяготения (особенно если племя не имеет четко определенных географических границ) и приобретает тем самым этностабилизирующее значение. Наконец, племя может вообще не иметь единого наименования, и отдельные подплемена или даже локальные группы выступают под собственными названиями. Означает ли все это, что название племени, как и само племя, — фикция? Видно, и в случае этнонима следует говорить лишь об известной тенденции, которая отражает, однако,

² См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 114—124.

³ Там же, с. 37.

объективное существование племени как целого. Если в сознании самих членов общности, а наряду с ними и в сознании их соседей сохраняется — пусть не всегда, но в большинстве случаев — представление о реальном существовании этой общности, что и выражается в ее самоназвании и названии, значит, общность все-таки существует. О чем же говорят отдельные факты отсутствия единого племенного названия (или самоназвания)? Это наблюдается обычно на той ранней стадии становления племени как общественного института, когда оно представляет собою структурно весьма рыхлое, аморфное образование, которое в общественном сознании (последнее всегда запаздывает) еще не оформилось как целое, и когда составляющие его локальные группы сохраняют все свое значение. Таким образом, и в этом вопросе необходим исторический подход.

Мы соприкасаемся здесь, в сущности, с проблемой племенного самознания, которую Фрид подменяет проблемой племенного наименования. Действительно, самоназвание племени есть выражение племенного самознания. С другой стороны, отсутствие первого еще не доказывает, что и второго не существует. Когда отдельные локальные группы, консолидируясь, образуют некую стоящую над ними общность, которую мы и называем первобытным племенем, все, что отражает это возникающее единство, может первоначально ограничиваться лишь представлением людей о принадлежности к нему.

Фрид утверждает далее, что племя не представляет собою и экономического единства, что основной экономической общностью первобытнообщинной эпохи является не племя, а община, и даже не вся община, а ее часть, или, как называет ее М. Салинс, «домашняя, или семейная, группа». М. Фрид возражает против понятия «экономической интеграции на уровне племени», выдвинутого Б. Малиновским. По мнению М. Фрида, М. Салинс ⁴ с его концепцией «домашнего, или семейного, способа производства» (термин весьма неудачный) «совершенно прав: на гипотетической стадии племенного строя решительно преобладает производство в рамках домашних, или семейных, ячеек» (с. 44). Кооперации в труде на уровне племени не бывает; «племенные охоты» — вымысел. В коллективном добывании пищи принимают участие либо отдельные общины одного племени, либо общины двух соседних племен. То же относится и к другим сферам первобытной экономики — распределению, потреблению и обмену. И здесь, по Фриду, племя как целое никогда не функционирует.

Надо признать, что в этом вопросе автор во многом прав — во многом, но не во всем. Так, производство в рамках семейных ячеек характеризует только заключительную стадию развития первобытнообщинного строя. Для всех прочих уровней его развития типичен общинный, точнее, первобытнообщинный способ производства. Разумеется, на протяжении истории первобытнообщинной формации изменялась и сама первобытная община, но существа дела это не меняет. Сказанное подтверждают и факты, приводимые Фридом. В обществах, живущих в условиях присваивающего хозяйства, почти все основные экономические функции сосредоточены в общине. Что же касается коллективных загонных охот, то из сообщений свидетелей таких охот не всегда ясно, принимают в них участие представители одного, притом всего племени, или нескольких племен. Во всяком случае, утверждение Фрида об отсутствии кооперации в труде на уровне племени не имеет под собой веских оснований. Наиболее слабым местом в книге Фрида являются те ее страницы, где он рассматривает проблему собственности, отрицая собственность племени на землю. По его

⁴ M. Sahlins. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, 1968, p. 74—95; *idem*. *Stone Age Economics*. Chicago, 1972, p. 41—148.

мнению, о собственности в первобытном обществе вообще говорить не следует. В этом обществе равных — Фрид называет его «эгалитарным» — «не существует собственников основных материальных благ; ими не являются ни индивидумы, ни семьи, ни племена» (с. 55). Он упрекает Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса в том, что они находились, как он полагает, под влиянием буржуазных представлений XIX в. и считали, что в первобытном обществе «предметы должны непременно быть собственностью какой-то группы» (с. 55).

Создается впечатление, что Фрид недостаточно четко отличает субъективное, или правовое, выражение собственности от реально складывающихся объективных отношений. Первое существует в представлениях людей и может проявляться в их поведении, но при этом не обязательно адекватно вторым, и зачастую отражает последние не прямо, а в опосредствованной форме. Но именно объективные отношения собственности и составляют политико-экономическое ее содержание. В первобытном обществе субъективные, или нормативные, отношения собственности в зависимости от меняющихся конкретных условий могут складываться различно. Так, при одних обстоятельствах группа людей может с оружием в руках защищать свою землю от посягательств соседей, а в иных обстоятельствах та же или другие группы добровольно предоставляют свою землю с ее ресурсами соседям, и тогда может возникнуть впечатление, что собственности на землю вообще нет. Нередко не вся община, а ее часть, например локализованный род, и даже не весь род, а только мужчины, считается собственником земли. Происходит все это в силу достаточно сложных исторических причин. Почему, например, собственность на землю выступает порою в родовой форме? Это объясняется тем, что родовая организация, достигнув определенного уровня развития, становится социально-регулирующим институтом, присваивающим некоторые важные социальные и нормативные функции. Род начинает смотреть на себя и как на собственника земли родовой общины, в частности потому, что на этой земле находятся святилища родового культа. Но означает ли это, что уже в первобытном обществе существует экономическое неравенство, что важнейшее средство производства — земля — находится в собственности одной части коллектива, т. е. представителей локализованного рода, а другие члены коллектива отстранены от нее? Нет, потому что экономически такое отношение рода к земле никак не реализуется, объективно-экономически первобытная община выступает в полном своем составе в качестве субъекта собственности на землю. Все члены первобытной общины, независимо от их родовой принадлежности, равно участвуют в экономическом присвоении природных богатств общинной территории.

То же относится и к племени. Первобытное племя — это совокупность общин, следовательно, совокупность общинных территорий. Чем архаичнее племя, чем слабее социальные узы, которые связывают составляющие его общины, тем менее выражена собственность на землю племени как целого. Но по мере консолидации племени, упрочения социальных связей внутри него, оно все явственнее выступает в качестве собственника племенной территории — и объективно-экономически, и нормативно. Этот процесс может иметь и противоположное направление: с ростом населения от общины могут отпочковываться другие общины, первоначально между ними еще сохраняются тесные социальные и экономические связи, а земля остается их общей собственностью, но со временем эти связи все более ослабевают. Так или иначе, в истории первобытного племени существует период, когда собственность на землю имеет как бы иерархический характер, когда над общинными землями возвышается собственность на землю всего племени как совокупности общин, как суперструктуры.

Поэтому и границы племени часто выражены не менее ясно, чем границы общины.

Территориальность, связь общины и племени с землей, которую они экономически осваивают, — одна из основ социально-экономической структуры первобытного общества, а коллективная собственность на землю — важнейшая, ведущая форма собственности в этом обществе.

По словам современников, у тасманийцев, например, границы общинных и племенных земель были одинаково хорошо известны, и самовольное их нарушение рассматривалось как объявление войны. Захват колонизаторами земель коренного населения, независимо от того, добывало оно пищу охотой и собирательством или земледелием, был равносильен лишению этого населения самой основы и условия его существования. Вот почему проблема собственности на землю в первобытном обществе, включая и племенную собственность, — отнюдь не только академическая.

Фрид утверждает, что племя как целое лишено какой-либо политической организации. И это не совсем справедливо. Все зависит от уровня развития племени. На ранних стадиях племя действительно не выступает в качестве «политически» организованного единства. Составляющие племя общины являются автономными, самоуправляющимися ячейками. Но даже и здесь прослеживаются первые ростки племенной власти. Так, у тасманийцев не было племенных вождей в мирное время, но в военное время они выдвигали из своей среды предводителя, под руководством которого объединялось все племя. Имеются сообщения, правда не всегда достоверные, что отдельные австралийские племена имели и постоянно функционирующий институт племенных вождей. Более высокой стадии развития племенной организации свойственны уже хорошо засвидетельствованные, разнообразные, сравнительно развитые органы власти на уровне племени.

Наконец, Фрид рассматривает проблему племени как идеологического и культурного единства. По его мнению, главное, что объединяет локальные группы предгосударственных обществ, — не экономика, а идеологические и церемониальные факторы, миф об общем происхождении. В проблеме соотношения племени и ареалов распространения культурных явлений Фрид разделяет точку зрения, согласно которой они не совпадают. Действительность, однако, сложнее, чем представляется автору. Верно, что уже в эпоху первобытности явления культуры распространялись далеко за пределы племенных границ; это хорошо засвидетельствовано этнографией. Но это относится не ко всему культурному комплексу, некоторая его часть традиционно и жестко связана с определенными этносами и историко-этнографическими областями.

В заключение Фрид делает вывод, что племя — вторичное социально-политическое образование, возникающее на поздних стадиях общественного развития в особых исторических условиях. Первобытного племени не существует. Это не более чем аморфная совокупность общин.

Необходимо признать, что автору, со свойственным ему критическим чутьем и острым аналитическим умом, удалось подметить немало фактов и явлений, мимо которых нередко проходят исследователи. Он приходит к тому же результату, к какому в свое время пришел Дж. Уилер, поставивший своей целью исследовать, что же представляет собою племя у аборигенов Австралии. Самая важная общественная единица у австралийцев — не племя, а локальная группа, часть племени, писал Уилер⁵. Ошибка Фрида заключается в том, что он абсолютизирует определенный уровень развития племенной организации, подходит к нему неисторически. Подобно любым общественным институтам, племя развивается, и на

⁵ G. C. Wheeler. *The Tribe and Intertribal Relations in Australia*. L., 1910, p. 55.

каждой отдельной стадии развития оно не тождественно самому себе. Не все признаки племенн появляются одновременно, они формируются постепенно — одни возникают раньше, другие позже. Даже на самых ранних уровнях развития племя не просто совокупность общин, как утверждает Фрид, но некая суперструктура, правда еще слабо выраженная, но уже обладающая рядом присущих ей признаков. Так, тасманийское племя не выступало обычно как единое социальное целое; его экономические функции, как правило, ограничивались лишь собственностью на определенную территорию. Общая территория, общепринятый язык, некоторое культурное своеобразие, племенное самосознание, выражающееся в самоназвании, — вот что конституировало племя на этой ранней стадии его становления⁶. То же самое относится и к аборигенам Австралии. Здесь, правда, известны случаи, когда даже такие критерии, как общий язык и общее культурное достояние, представляются сомнительными, когда трудно определить, имеем ли мы дело с племенем, подплеменем или локальной группой, с группой племен или подплемен. Не существует, например, единого племенн аранда; между отдельными частями этой общности наблюдаются значительные языковые и культурные различия. Поэтому многие австраловеды вообще отказываются от термина «племя». Но и в подобных ситуациях племя как бы возвышается над группой общин, хотя бы потому, что информационные связи внутри этой группы значительно интенсивнее, чем за ее пределами. Данное обстоятельство фиксируется в сознании австралийцев и выражается в племенном или этническом самосознании. Тем ощутимее племя как этническая и социальная общность на более высоких уровнях развития, в эпоху разложения первобытнообщинного строя и классовообразования. Но это не значит, что оно появляется лишь под воздействием каких-то внешних импульсов, как полагает Фрид. Его истоки лежат в глубокой первобытности.

В советской литературе было высказано мнение, что первобытное племя не является этнической общностью; этносом следует считать скорее группу родственных племен⁷. По мнению Ю. В. Бромлей, которое разделяет и автор настоящей рецензии, «племя одновременно и социально-потестарная и этническая общность»⁸. Правда, речь здесь идет о племенах развитого первобытного общества. Стадиально более ранние племена, в сущности, тоже были и этническими, и социальными общностями, но формирующимися. Именно из них развивались те позднейшие племенные образования, которые Фрид считает вторичными и не имеющими генетически ничего общего с первобытностью.

В. Р. Кабо

⁶ См.: В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975, с. 142—145.

⁷ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Расы и народы». Вып. 2. М., 1972, с. 23.

⁸ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., с. 127.

